

ФИЛОСОФИЯ ДВИЖЕНИЯ У Н.С. ГУМИЛЕВА¹

А.В. ФИЛАТОВ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Аннотация: В статье рассматривается философское содержание категории движения в стихотворном наследии Н.С. Гумилева. Обращаясь к биографии и творчеству поэта, автор подчеркивает большое значение путешествий и странствий в его системе ценностей. Для Гумилева движение является универсальным началом, обеспечивающим единство мира и придающим онтологический статус всем явлениям. Источником этих идей могла быть эволюционная теория и концепция длительности А. Бергсона. Также взгляды Гумилева типологически сближаются с онтологической аксиологией Н.О. Лосского, обращение к которой проясняет религиозный смысл движения как самосовершенствования и приобщения к божественному началу.

Ключевые слова: философия движения, Н.С. Гумилев, акмеизм, А. Бергсон, Н.О. Лосский, аксиология, художественное мировоззрение.

При изучении художественной философии исследователь осуществляет выбор между двумя стратегиями, о которых подробно пишет О.В. Шалыгина. С одной стороны, можно описывать поэтику текста «извне», «с опорой на другие философские системы, с которыми мы начинаем сравнивать, сопоставлять, каким-то образом описывать художественный мир»² писателя или поэта. При этом исследователь может обратиться как к синхронным философским системам, т. е. актуальным и господствующим в период творчества писателя, так и к асинхронным, однако последний подход негативно оценивается Шалыгиной, которая видит в нем исследовательский производ, заключающийся в экстраполяции идей, чуждых изучаемой эпохе. С другой стороны, возможен обратный путь – анализ текста «изнутри», через «выявление философских оснований на уровне

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01432).

² Шалыгина О.В. К вопросу выработки подходов к изучению философии писателя (на материале чеховедения) // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 247.

поэтики»³, с учетом которых моделируется собственно авторская художественная философия, хотя и в этом случае в созданных концепциях неизбежно присутствуют базовые философские представления о мире самого исследователя.

На наш взгляд, обе стратегии имеют свои положительные и отрицательные стороны. Даже синхронная философская система, выбранная в качестве инструмента анализа, может оказаться неадекватной материалу исследования, однако преимущества данной стратегии очевидны в тех случаях, когда человек является одновременно писателем и философом, т. е. фактически сам предлагает исследователю наиболее адекватную философскую систему для анализа (таковы случаи В.С. Соловьева, А.Ф. Лосева и др.). Вторая стратегия – непосредственный анализ поэтологических категорий и выявление их философского содержания – кажется более объективной, поскольку она не ограничена предзаданным методом и системой взглядов, однако без обращения к той или иной философской традиции такой анализ вряд ли позволит прийти к какому-либо синтетическому обобщению.

Применение подходов «изнутри» и «извне» мы продемонстрируем, обратившись к философии движения Н.С. Гумилева как составляющей его художественной системы. Сначала мы раскроем ее содержание, опираясь только на данные литературоведческого анализа, а потом обратимся к философским теориям.

Одним из первых важность категории движения в творчестве и мировоззрении Гумилева отметил Ю.В. Зобнин. По его словам, «тема “движения” <...> находится в числе “приоритетных”, программных тем»⁴ поэта. Исследователь указывает на мотивы «путешествия» и «странствия», которые встречаются у Гумилева в большом количестве и имеют общую инвариантную структуру: «...некто (или нечто), осуществляя *процесс* движения, обязательно выявляет этим “*исходный*” и “*конечный*” пункты»⁵. Действительно, многие как ранние, так поздние стихотворения Гумилева в том или ином виде содержат данную модель (ее элементы выделены курсивом): «Я конквистадор в панцире железном, / Я весело *преследую*

³ Там же. С. 250.

⁴ Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

звезду, / Я прохожу по пропастям и безднам / И отдыхаю в радостном саду» (1; 287)⁶, «...Все мы, товарищи, верим в море, / Можем отплыть в далекий Китай» (1; 279), «Вот и я выхожу из дома / Повстречаться с иной судьбой...» (2; 148), «В скольких земных океанах я плыл, / Древних, веселых и пенных, / Сколь во *степях* караваны водил...» (3; 112), «Восемь дней из *Харрара* я вел караван / Сквозь *Черчерские дикие горы*...» (4; 30).

Более того, благодаря метафоризации эту модель можно обнаружить в стихотворениях, связанных с духовными странствиями по страницам книг и их сказочным мирам: «Читатель книг, и я хотел *найти* / Мой тихий *рай* в покорности сознания, / Я их любил, те *странные пути*, / Где нет надежд и нет воспоминанья» (1; 267), «*Следом* за Синдбадом-Мореходом / В *чуждых странах* я собирал червонцы / И блуждал по *незнакомым водам*, / Где, дробясь, пылали блики солнца» (1; 153). Также семантика движения может приобретать обобщенное значение жизненного пути: «И вот вся жизнь! *Круженье*, пенье, / *Моря, пустыни, города*...» (3; 131).

Повышенное внимание к динамическому началу в поэзии, безусловно, не является случайным и не объясняется только любовью Гумилева к путешествиям, хотя он и совершил три поездки Африку, а также побывал во время Первой мировой войны в Польше, Латвии, Франции, Англии и даже просил о переводе на Персидский фронт⁷. Все это говорит о том, что открытие для себя новых пространств играло большую роль в жизни и мировоззрении Гумилева.

Философское значение движения поэт осмысляет в своей поэме «Открытие Америки», рассказывающей о знаменитом путешествии Христофора Колумба. Одна из строф первой песни представляет собой настоящий гимн движению:

Ах, в одном божественном движенье,
Косным, нам дано преображенье,
В нем и мы – не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас Бог расположил! (2; 20)

⁶ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Гумилева Н.С. (М.: Воскресенье, 1998 – 2007) даются в круглых скобках с указанием номеров тома и страниц.

⁷ См.: Степанов Е.Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914 – 1918. М.: Прогресс-Плеяда. 2014. С. 483.

Далее Гумилев иллюстрирует всеобщность и универсальность этой категории, перечисляя различных представителей животного мира, подвластных ее воздействию:

Дикий зверь бежит из пущей в пуши,
Краб ползет на берег при луне,
И блуждает ястреб в вышине, –
Голодом и Страстью всемогущей
Все больны, – летящий и бегущий,
Плавающий в черной глубине. (2; 21)

Здесь движение манифестируется как обязательное условие бытия всего живого, причем бытия, освещенного присутствием высших сил. «Пути земные» уподобляются кровеносной системе, а перемещение в пространстве – циркуляции крови. Благодаря этой органической метафоре движение становится не просто жизненно необходимым, а самой сутью жизни, ее смыслом, приобщающим к божественному началу. Другими словами, открывая мир, человек познает Творца через его творение. Далее в поэме это подтверждают строки о том, что «смертный видит отсвет рая, / только неустанно открывая» (2; 25). Как верно заметил Ю.И. Айхенвальд, Гумилев далек от наивно-материалистического понимания движения, которое, напротив, приобретает у него метафизическое измерение: «...свои дальние путешествия он совершает не поверхностно, он не скользит по землям, как дилетант и турист. Нет, Гумилев оправдывает себя особой философией движения, “божественного движения”, которое одно преобразует косные твари мироздания и всему сообщает живую жизнь»⁸. Именно оно обеспечивает единство всего мира, являясь тем самым «мировым ритмом», о котором Гумилев напишет в своем акмеистическом манифесте: «...ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами» (7; 148).

Однако далеко не любое движение оценивается положительно в художественном мире поэта. Гумилев особо подчеркивает устремленность своих героев к цели, которую они устанавливают для себя сами, и превозносит тех, «кто дерзает, кто хочет, кто ищет» (1; 236). Именно такое, целенаправленное и интенциональное движение, подчас сопряженное с опасностями, преобразует человека, помогая ему прикоснуться к тай-

⁸ Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М: Северные дни, 1922. С. 37.

нам мироздания – тем «наркозам», о которых догадывается лирический субъект цикла «Капитаны».

Подобной целью, подчиняющей себе все мысли и силы, наделен Колумб в «Открытии Америки». Его цель – не плыть проверенными путями, а открыть свой путь, изведать новое. Это противопоставление актуализируется в оппозиции «карта» – «стрелка компаса»: плавание по карте безопасно, но воспринимается с недоверием, тогда как плавание по компасу рискованно, но только так можно открыть что-то новое (ср.: «В этих прежних картах столько лжи» (2; 21); «Двадцать дней, как компасные стрелы / Вместо карт указывали путь» (2; 23)). Такое стремление к опасности как неотъемлемой части жизни связано с акмеистическим принципом «всегда идти по линии наибольшего сопротивления» (7; 148).

Философским основанием для гумилевского восприятия движения могли стать работы А. Бергсона, в частности, книга «Творческая эволюция» (1907). По мнению Э. Русинко⁹, его теории о длительности и эволюции оказали большое влияние на поэтику акмеизма, представители которого были хорошо знакомы с творчеством философа. Так, О. Мандельштам ссылается на Бергсона в своем эссе «О природе слова» (1922), С. Городецкий утверждает в автобиографии, что в университетские годы он «был среди тех, кто увлекался модными тогда западными философиями. Мы расхватывали первые издания “Энергетики” Освальда, “Творческой эволюции” Бергсона, увлекались Ницше»¹⁰. Вполне вероятно, что в то же время с творчеством философа познакомился и Гумилев, поскольку в лондонском интервью 1917 года он говорил о возможности воздействия идей Бергсона на новейшую русскую поэзию¹¹. В таком случае можно предположить, что философское осмысление движения у Гумилева связано с бергсониаанской категорией длительности.

По Бергсону, длительность – субстанциальная основа бытия, «беспредельная разработка абсолютно нового»¹², представляющая собой непре-

⁹ *Rusinko E.* Acmeism, Post-symbolism, and Henri Bergson // *Slavic Review*. Vol. 41. No. 3. P. 504–510.

¹⁰ *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Современник, 1984. С. 6.

¹¹ *Русинко Э.* Гумилев в Лондоне: неизвестное интервью // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография / Сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. СПб.: Наука, 1994. С. 307.

¹² *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 47.

крашающееся изменение и становление. Таким образом, движение, понятое как изменение, является главным признаком длительности; собственно говоря, движение существует только в длительности, где оно переживается напрямую, целостно, а вовсе не в абстрактном времени интеллекта, при котором оно разделяется на ряд «одновременностей»¹³. Согласно теории Бергсона, мир находится в состоянии постоянного эволюционного развития, вызванного вселенским *жизненным порывом*: «Это – творчество, которое бесконечно продолжается в силу начального движения. Движение это создает единство организованного мира...»¹⁴. При этом границы между жизнью и материей оказываются размыты, а мир предстает как гармоничное целое, в котором человеческий разум, наряду с растительным и животным началами, является лишь одной ветвью эволюции. Именно это положение позволяет Бергсону говорить о единстве всего существующего:

Как крошечная пылинка едина со всей нашей солнечной системой, увлекаемая вместе с нею в том неделимом нисходящем движении, которое есть сама материальность, так и все организованные существа, от низшего до самого возвышенного, с первоистоков жизни до нашей эпохи, повсюду и во все времена, только и делают, что выявляют единый импульс <...>. Все живые существа держатся друг за друга и все уступают одному и тому же колоссальному напору¹⁵.

Именно об этой преображающей силе движения, вызванного жизненным порывом, пишет Гумилев в стихотворении «Снова море»:

Я сегодня опять услышал,
Как тяжелый якорь ползет,
И я видел, как в море вышел
Пятипалубный пароход.
Оттого-то и солнце дышит,
А земля говорит, поет.

Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне, иль червь в норе <...>

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 124–125.

¹⁵ Там же. С. 262–263.

Что не слышат песен Улисса,
Призывающего к игре? (2; 148)

Приобщаясь к мировому ритму, лирический герой чувствует духовную связь со всем миром, причем эта связь осознается им как всеобщая, охватывающая всех живых существ, которые также слышат «песню Улисса», зовущую в путешествие. Гумилев прямо не заявляет, что подчинение этой силе является жизненно необходимым, однако крайне негативно оценивает судьбу «противников» движения. Так, в первом варианте стихотворение содержало строфу, в которой говорилось, что отвергнувший этот призыв «утонет в той грязной ванне, где он шкуру мыть осужден» (2; 301).

Антитеза движения – статичность – вполне ожидаемо оказывается для поэта отрицательной ценностью. В отсутствие динамики даже реальный мир начинает терять свой онтологический статус, казаться иллюзорным, что заставляет лирического героя «Канцоны» заявить: «И совсем не в мире мы, а где-то / На задворках мира среди теней» (4; 94). Он хочет вырваться в иной мир, который наполнен динамикой и оттого кажется более реальным: «Там, где все сверканье, все движенье, / Пенье все, – мы там с тобой живем, / Здесь же только наше отраженье / Полонил гниющий водоем» (4; 94). Примечательно, что в данном тексте снова использован образ отражения как синонима ненастоящего существования, восходящий к платоновской теории вечных идей.

Негативную оценку получают носители статического начала. Такова героиня стихотворения «Девушке», неготовая к безрассудным поступкам и рискованным действиям. Лирический герой характеризует ее следующим образом: «Никогда ничему не поверите, / Прежде чем не сочтете, не смерите, / Никогда никуда не пойдете, / Коль на карте путей не найдете» (2; 56). В этой строфе снова возникает образ карты, который оценивается отрицательно, как некий шаблон для действий, при котором интуитивное начало подавляется рациональным. Героине противопоставляется «безумный охотник», который «прямо в солнце пускает стрелу» (2; 56). Стрела в данном контексте функционально играет роль все той же «стрелки компаса», указывающей путь к цели, – солнцу как метафоре чего-то запредельного. Заметим, что в черновике стихотворение носит название «Затворнице» (2; 184), подчеркивающее статичность и изолированность героини от внешнего мира.

Стабильность является характеристикой женского образа и в стихотворении «У камина». Храбрость героя-первооткрывателя, прибивавше-

гося «вглубь неизвестных стран», покидает его после возвращения домой: «Я узнал, узнал, что такое страх, / Погребенный здесь в четырех стенах...» (2; 18). Его пугает замкнутое пространство, а также «цепи», которые накладывает на него возвращение и которые не отпускают его в новое странствие: «Даже блеск ружья, даже плеск волны / Эту цепь порвать ныне не вольны» (2; 18). Эти узы, очевидно, созданы женщиной, которая, «тая в глазах злое торжество», слушает рассказ героя. Встреча с ней исключает продолжение движения.

В итоге только целенаправленное свободное движение является для Гумилева истинным, преображающим человека. Оно противопоставляется бессмысленному блужданию, характеризующему героя поэмы «Блудный сын», и вынужденному движению, которое не было инициировано лирическим субъектом или которое он не способен контролировать (как в стихотворении «Отравленный», где движение реализуется в варианте убийства-изгнания, или в стихотворении «Я верил, я думал...»: «... Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора. / Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна» (2; 92)). В таком случае релевантной становится категория цели. На первый взгляд кажется, что конечная точка движения должна находиться в земном, но пока неизведанном пространстве, ее достижение должно оцениваться положительно, а неудача, напротив, свидетельствовать о недостаточности стремления и нереализованности личного потенциала. Однако художественный мир Гумилева часто развивается в противоречии с этой схемой.

Например, столь желанное открытие Нового Света не приносит счастья Колумбу. Достигнув желаемого берега, герой поэмы чувствует себя внутренне опустошенным («Раковина я, но без жемчужин...» (2; 28)) и просит Бога дать ему цепи, т. е. новую цель, поскольку теперь его жизнь лишена смысла. Таким образом, конечная точка движения оказывается амбивалентной: с одной стороны, необходимой для того, чтобы отправиться в путь, а с другой – несущей, в итоге, конец любой динамичности. Не менее парадоксальная ситуация происходит в стихотворении «Паломник»: отправившийся в священный город старик умирает в пустыне, но его душа получает награду за свое усердие: «Все, что свершить возможно человеку, / Он совершил – и он увидит Мекку» (2; 90). Здесь движение не заканчивается со смертью героя, но продолжается и в другом мире, уже как приобщение к божественному. Именно так можно объяснить финал стихотворения «Путешествие в Китай»: «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть!» (1; 280) Встреча со

смертью является индикатором, указывающим на трансцендентную локализацию Китая – не столько экзотической страны, сколько иного, высшего мира. Неслучайно в качестве конечной точки движения у Гумилева часто выступает образ рая. Так в художественном мире поэта решается проблема конечности любого движения – его цель транспонируется за пределы материального мира, поэтому время для ее достижения становится, по сути, соразмерным жизненному пути.

Для философского обоснования данных выводов мы обратимся к русской религиозной философии, в частности к онтологической аксиологии Н.О. Лосского, изложенной в его книге «Ценность и бытие» (1931). Созданная через 10 лет после смерти поэта, данная концепция, на наш взгляд, типологически сближается с его системой взглядов, чем объясняется ее выбор в качестве инструмента интерпретации философии Гумилева.

Главным положением Лосского является тезис о ценностном статусе всего сущего, давший название его теории. Философ пишет: «...любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком-либо своем отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием <...>. Само бытие, само *esse* есть не только бытие, но и ценность»¹⁶. Высшей ценностью, по Лосскому, является абсолютная полнота бытия, или Царство Божие – именно оно трансцендентно земной реальности и его достижение составляет конечную цель свободной деятельности любого субъекта. Реальный мир состоит из субстанциальных деятелей, каждый из которых «есть индивидуум, наделенный своеобразною идеей Божией как нормативную сущностью» и обладает «творческою силою, которую он может свободно употребить на осуществление своей нормативной идеи и, следовательно, удостоиться быть членом Царства Божия»¹⁷. При этом понятие «субстанциальный деятель», или субъект, понимается философом широко – от «электрона, атома, молекулы»¹⁸ до человека и общества. Благодаря тому, что «в природе все пронизано субъективным бытием»¹⁹, всякое явление мира кем-то оценено и потому является ценностью. Ступени эволюционного развития «субстанционального деятеля» (неорганическую, растительную, животную, социальную и Божественную) философ кладет в основание своей иерар-

¹⁶ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Paris: YMCA-PRESS, 1931. С. 31.

¹⁷ Там же. С. 73–74.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ Там же. С. 76.

хии ценностей. Согласно ей, на определенных этапах «субъект-деятель должен последовательно: *быть*, *быть живым*, *сознательным*, *разумным* и, наконец, *совершенным*, достигнув *абсолютной самооценности* и полноты бытия в царстве Божием»²⁰.

Как видно, в основных философских положениях Гумилев сходится с Лосским. Во-первых, он признает иерархичность мироустройства, основанную на бытийном статусе явлений: «Для нас иерархия в мире явлений – только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия...» (7; 148); во-вторых, он понимает Бога как высшую ценность, к которой устремлено все сущее: «Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе» (7; 148). Добавим, что по словам Л.Г. Кихней, тезис о том, что «бытие представляет собой самостоятельную *онтологическую ценность*»²¹, был основополагающим как для религиозной православной философии, так и для акмеистов.

Если применять терминологию Лосского, то инвариантной целью движения в художественном мире Гумилева является внеположенная материальному миру абсолютная полнота бытия, к которой стремится субъект, и которая, по сути, определяет смысл его существования, поскольку «подлинную конечную цель всякой деятельности всякого существа служит эта абсолютная полнота бытия»²². Однако эта цель не дискредитирует значение существования как такового, а наоборот, усиливает его ценностный статус: божественное «стоит “по ту сторону бытия” не потому, что Оно не бытийственно, а потому, что в Нем нет разделения бытия и ценности»²³. По сравнению с ним действительность как раз и предстает блеклым отражением, и поэтому устремленность к Богу сопряжена с признанием движения как главного принципа жизни и с экстенсивным познанием мира, которое одновременно является и интенсивным, глубинным. Герой Гумилева хочет не просто достичь предела реального мира, а «вжиться» в него, осознать себя его частью, чтобы перейти на следующую ступень эволюции. Смерть мыслится им именно как этап перехода и не является условием остановки движения. По большому счету, все

²⁰ Выжлецов Г.П. Онтологическая аксиология Н.О. Лосского в XXI веке // Вече. 2011. № 22. С. 74.

²¹ Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 22.

²² Лосский Н.О. Указ. соч. С. 52.

²³ Там же. С. 39.

остальные поступки (открытие новых стран или отказ от путешествий, военные подвиги и т.д.) являются положительными или отрицательными ценностями в той мере, в которой они способствуют или препятствуют достижению Абсолюта. В терминологии философа это сформулировано так: «...положительная ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и к Божественной полноте бытия»²⁴.

В итоге, категория движения у Гумилева не ограничивается семантикой пространственного перемещения, но получает значение целенаправленного становления, постоянного осознания необходимости двигаться вперед, что, согласно Лосскому, составляет главное свойство личности: «Деятель, осознавший абсолютные ценности и долженствование осуществлять их в своем поведении, есть личность»²⁵. Личность, таким образом, сама является ценностью, поскольку в перспективе может стать одним целым со всем миром: «...каждая <...> личность есть абсолютная самоценность, потенциально всеобъемлющая»²⁶. Движение способствует самосознанию личности, ощущающей свою причастность всему существу и внутреннее единение с миром.

В заключение отметим, что при изучении художественного мировоззрения писателя более продуктивно не только сосредотачиваться на его собственной философии, оставаясь «внутри» литературы, но и обращаться к «внешним» философским теориям и концепциям, играющим при таком подходе роль методологической базы междисциплинарного исследования и углубляющим литературоведческую интерпретацию. Тем не менее выбор данных теорий должен быть не произвольным, а обусловленным либо непосредственным влиянием (точно установленным или предполагаемым) выбранной концепции на систему взглядов писателя, либо наличием типологических сближений между авторскими представлениями о мире и философскими положениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айхенвальд Ю.И.* Поэты и поэтессы. М: Северные дни, 1922. 91 с.
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.

---

²⁴ Там же. С. 36.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 89.

3. *Выжлецов Г.П.* Онтологическая аксиология Н.О. Лосского в XXI веке // Вече. 2011. № 22. С. 68–77.
4. *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Современник, 1984. 256 с.
5. *Гумилев Н.С.* Полное собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 1998–2007.
6. *Зобнин Ю.В.* Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских исследователей и мыслителей: Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 5–52.
7. *Кихней Л.Г.* Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 183 с.
8. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие. Paris: YMCA-PRESS, 1931. 136 с.
9. *Русинко Э.* Гумилев в Лондоне: неизвестное интервью // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография / Сост. М.Д. Эльзон, Н.А. Грознова. СПб.: Наука, 1994. С. 299–309.
10. *Степанов Е.Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914 – 1918. М.: Прогресс-Плеяда. 2014. 848 с.
11. *Шалыгина О.В.* К вопросу выработки подходов к изучению философии писателя (на материале чеховедения) // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 241–260.
12. *Rusinko E.* Acmeism, Post-symbolism, and Henri Bergson // *Slavic Review*. Vol. 41. No. 3. P. 494–510.